

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина СЕРОВА

*Чем черт
не шутит*

Марина С. Серова
Огуречный рай
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166939
Чем черт не шутит: Эксмо-Пресс, Эксмо-Маркет; М.: 2000
ISBN 5-04-004819-X*

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Марина Серова

Огуречный рай

Глава 1

Нина Еремеевна и другие

Нина Еремеевна была довольно шустрой старушенцией. Во всяком случае, на здоровье не жаловалась, хотя два года назад местные эскулапы приговорили ее к смерти.

Тогда у нее был перелом шейки бедра. Врачи совершенно определенно сказали внучке, что пора старушке грехи замаливать. Надежды, что она выживет, почти нет. А если и выживет, то придется ей всю оставшуюся жизнь провести в инвалидном кресле.

Нина Еремеевна о приговоре врачей, конечно, догадалась и совсем уж собралась помирать. Тем более что на инвалидное кресло ей рассчитывать не приходилось: не было у старушкиных родственников таких денег. Сын с невесткой пили горькую матери на позор. У них с утра главный вопрос всегда был, где денег на опохмелку взять? А уж почем похмелье, Нине Еремеевне объяснять не требовалось.

Внучка ее девятый класс заканчивала. Бабушка уж как мечтала пристроить ее куда-нибудь, чтоб образование полу-

чила. А для этого тоже деньги нужны были, ну просто позарез нужны. А помощи ждать неоткуда. В общем, месяца четыре бабка честно ждала смерти, чтоб обузой никому не быть, но не получилось.

Прошли все сроки, а бабуська помирать и не думала. Зажило все, как на собаке. Начала она потихоньку вставать. Поначалу даже от людей скрывалась: стыдно, вроде как чужой век заедает. Потом даже бегать, с палочкой, правда, научилась.

Непутевые сын с невесткой очень на ее квартиру рассчитывали. Считали, что и Оксанке на мороженое, пока учится, хватило бы, и им безбедное житье-питье было бы обеспечено на некоторое время.

Но квартирку-то Нина Еремеевна втайне от детей завещала внучке. Узнали бы они, такой бы концерт закатили! Но бабулька не собиралась ставить их в известность. И Оксанке помалкивать наказала.

Пришлось непутевым детям смириться с тем, что хозяйка квартиры живехонька. Когда-нибудь все равно помрет. Оксанка же была рада. Жить в родной квартире с фиолетовыми родителями ей не улыбалось. Бабушка хоть супчик пустой, да сварит.

Жили бабушка и внучка скучно и размеренно. Считали каждую копейчку, пока не появился *он*.

О его появлении Оксанка даже не узнала. Вернее, узнать-то узнала, но никак не связала это с переменами в их финан-

совом положении. Просто в один прекрасный день она попросила у бабушки денег на новую юбку и – получила. Даже жалоб на трудную жизнь не услышала. Девчонка, конечно, обрадовалась, а о том, откуда у бабушки деньги появились, Оксанка даже не задумалась. Ее подружки давным-давно такие юбочки приобрели.

Баба Нина теперь усердно наряжала внучку и все интересовалась, не хуже ли других Оксанка одевается. Та и радовалась. Юность! В это время всем кажется, что у взрослых денег куры не клюют. Просто одни жадные, а другие нет. Вот Оксанкина бабушка – не жадная. Ну и прекрасно!

– Ксюш, где моя тросточка? Ты не видела? А то мне надо идти.

Тросточку старушка уже давным-давно брала просто для виду. Она и без нее прекрасно обходилась. Но Оксанка, как девочка умненькая, спорить не стала. Раз бабушка хочет свою тросточку, значит, без нее ей нельзя. Девочка обшарила все углы и принесла Нине Еремеевне то, что та просила:

– Вот, бабуль. Ты ж ее сама где попало бросаешь.

– Ну здрастье! Я бросаю! Ты ее небось нарочно спрятала. Все думаешь, бабушка у тебя молоденькая и бегать может, как конь, – ворчала старушка. После болезни характер у нее испортился. Да только Оксанка не больно-то обращала внимание на ее ворчание.

Бабушка перекрестила все углы, как обычно, перед уходом, помолилась и вышла за порог.

Она часто так вот уходила. Куда? Зачем Оксанке знать об этом, если бабушка говорить не хочет? Надо, и все. У старых людей свои заботы. Надо осмотреть всех с головы до ног. Про цены поговорить. Власти поругать.

– Бабуль, тебя во сколько ждать?

– Да как всегда. Подышу свежим воздухом и вернусь. Ты своими делами занимайся, доченька.

Ну, доченька и занялась. Врубила «Куин», свою любимую группу, на всю катушку и улеглась на диванчик. Занятия подождут. Бабушка о них уж чересчур печется. Никакого от нее покоя. Учись да учись. Если суждено Оксанке поступить в техникум, она и без особого напряжения поступит. А если нет, – не судьба, значит. Тогда, может быть, на платное отделение куда-нибудь пристроит. Откуда у бабушки такие деньги возьмутся, Оксанка особо не задумывалась. Сейчас, во всяком случае, она с удовольствием расслаблялась. А то придет бабушка, опять давить начнет. Вот тогда и сядет Оксанка за уроки.

Нина Еремеевна шла привычным маршрутом. Скоро полгода, как она выполняла совсем несложные поручения.

Чего проще? Отнести две банки огурцов по нужному адресу. И Оксаночке одежда, и самой не задумываться, побаловать себя или нет маслицем к чаю.

Поезд на этот раз опаздывал, но Нина Еремеевна не волновалась. Можно и подождать, не барыня! Все уже отработано, чай, не первый день.

К сведению пассажиров: поезд Алма-Ата – Тарасов опаздывает на сорок минут.

Нина Еремеевна купила себе стаканчик сока и с наслаждением выпила. Все-таки лето, жажда мучает. А средства, слава богу, позволяют.

Ну, не господу слава, конечно, а спасибо *ему*, родимому. Спас от нищеты.

Наконец диктор объявил о прибытии поезда. Старушка направилась по тоннелю к третьей платформе и затерялась в толпе встречающих.

– С-серый, т-ты ее видишь? – здоровенный парень в пестрой рубашке заикался, и это, видимо, очень раздражало его спутника.

Тот его резко оборвал:

– Да не дергайся ты. Куда она денется? Мы же точно знаем, в какую сторону она пойдет. Пускай себе спокойненько отоваривается.

– А в-вдруг у нее н-несколько адресов? – не унимался первый.

Второй спокойно достал из смятой пачки «Астры» две сигаретины. Одну закурил сам, другую сунул приятелю.

– На вот, покури лучше. А то ты, того и гляди, всю малину испортишь. Сейчас нарисуеться, никуда не денется.

Прошло еще несколько минут, и молодые люди от удивления буквально рты пооткрывали.

От вагона-ресторана отчалили несколько старушек. У

каждой в руках была авоська с двумя банками огурцов. Старушки направились в разные стороны.

– Ни фига себе! Чуешь, Косой?

Косой чуял:

– И з-за к-какой лучше п-пойти? За ч-чужой, п – по моему, безопаснее. Т-ты к-как думаешь? Ленка в-ведь в п-первую очередь с-своих п-подозревать будет.

– Совсем даже наоборот, я думаю. Тут мы все уже просчитали, а там придется действовать наугад. А у Ленки мы будем время от времени появляться, редко, конечно. Тогда никто ничего не заподозрит. Не ссы, все будет тип-топ.

Они как по команде бросили бычки на перрон и последовали за Ниной Еремеевной.

* * *

А старушка была донельзя довольна собой и своими немногословными партнерами. Никаких тебе разговоров. Все четко, ясно. Сумка, банки – и вперед. Как всегда. Конспирацию она строго соблюдала, хотя ее это порой и забавляло.

– Чудно, – размышляла Нина Еремеевна, – обыкновенные огурцы, а такая таинственность.

Иной раз ей до ужаса хотелось зайти по дороге домой, распечатать одну из этих самых банок и посмотреть, что же они там прячут. В последнее время у нее даже появились кое-ка-

кие соображения на этот счет, но она старательно отметала их в сторону.

– Оно и лучше, когда не знаешь-то. Спросу меньше, – уговаривала себя старушка.

Она, конечно, не заметила двух молодых людей, которые, перешептываясь, наблюдали за ней.

– С-серый, д-давай п-подальше держаться, а то з-замечтит, – волновался Косой.

– Понятное дело. Сориентируемся как-нибудь.

Нина Еремеевна прищурилась, стараясь разглядеть номер троллейбуса, который как раз подошел к остановке. Троллейбус был тот самый, какого она ждала. Кряхтя и опираясь на палочку, которая, по правде говоря, ей только мешала, она влезла в троллейбус и уселась на переднее сиденье.

Молодые люди пристроились неподалеку. Нина Еремеевна, к счастью, не замечала этого неназойливого внимания, так что их задача существенно облегчалась.

Они уже предрешили ее судьбу. Просто отнять у старухи банки было бы, по их мнению, глупо. Это значило бы привлечь внимание истинного хозяина имущества.

С такой акулой они связываться боялись. Из-под земли достанет, и тогда им крышка. Да и бабулька их опишет подробненько. Так что оставалось одно: выключить старушку, и тогда она уж ничего не расскажет. Все спишут на какого-нибудь маньяка.

Они пока не думали, что будут делать, когда содержимое

банки иссякнет. Впрочем, сегодня они убедились, что старушка такая не одна. А значит, когда время придет, война план покажет.

Бабулька вышла на конечной остановке троллейбуса и направилась к остановке автобуса четвертого маршрута.

Парни, тихо переговариваясь, следовали за ней.

– С-серый, н-надо б-было бы лучше п-подальше от дома з-заняться ей. Т-там н-нас к-каждая собака знает.

– Что ты нервный какой-то? Уже темно, во-первых. А во-вторых, мы же позаботились о том, чтобы нас не узнали. И потом, там безлюдно. А тут как два тополя на Плющихе. Понял?

Косой кивнул:

– П-понял.

– То-то же, салага. Меня слушай. Со мной не пропадешь.

Подошел автобус, и все трое устремились к нему. Бабушка снова влезла в переднюю дверь, молодые люди – в заднюю.

Иногда привычки сильно подводят. Проехала бы Нина Еремеевна лишнюю остановку, идти бы ей к тому дому, куда она направлялась, более короткой дорогой и, главное, по людной улице. Но ей больше нравилось ходить через парк, точнее, – пустырь, заросший деревьями и высокой травой. Кроме собачников, в самом дальнем углу этого заброшенного, дикого места, здесь обычно никого не бывало в этот час. Ну, или почти никого...

Впрочем, старушка искренне полагала, что она никому и

даром не нужна. Зато воздух на пустыре был свежее, чем в раскаленном от жары городе, от пруда даже тянуло прохладой. Дожидаясь строго определенного часа, раньше которого ей даже дверь могли не открыть, она привыкла коротать время, отдыхая на пенечке. Несмотря на то что поезд опоздал, нужно было еще немного подождать.

– Зимой-то, конечно, посложнее будет, – размышляла старушка, бодренько шагая привычным путем. – Ну да ничего. Может, *он* мне домой заходить разрешит, погреться. Там поглядим. Чего гадать?

Нина Еремеевна уселась на свой любимый пенек, и молодые люди направились было к ней.

– Рекс! Ко мне! – раздалось совсем рядом. Из-за кустов выскочил парнишка.

Молодые люди сразу стушевались, решив подождать более подходящего момента.

– Я ж говорил, что у пруда лучше всего.

Уже темнело, но в сумерках Нина Еремеевна еще могла видеть, как парнишка-собачник возится со своим четвероногим другом. Потом, вздохнув, поднялась.

– Похоже, пора, – пробормотала она себе под нос.

* * *

Ленька, двенадцатилетний пацан, сорвиголова, занял к этому времени свой боевой пост. Взобравшись на дерево и

устроившись поудобнее, он стал терпеливо ждать, когда появятся... они. Для этого он приходил сюда всегда заранее со старым отцовским биноклем ночного видения, который тайком утаскивал из дома.

Этот спектакль он смотрел уже не впервые. И, надо сказать, он ему очень даже нравился.

Одно дело – порнуха по телику, а другое – когда этим занимается твоя старшая сестренка.

Ябедничать матери о «невинных» прогулках Катьки с ее очкариком Ленька пока не собирался. Во-первых, еще не насмотрелся, во-вторых, надо будет еще подумать, нельзя ли извлечь из этого какую-нибудь пользу для себя.

* * *

Витя с Катей шли, взявшись за руки. У них на этом пустыре было одно классное место, где они могли не волноваться: никто их там не найдет, а главное – не помешает.

Они встречались уже целых два месяца и считали, что пора перейти к более близким отношениям.

Вот и сейчас они опустились на траву, изредка шепотом перекидываясь парой слов. Через несколько мгновений необходимость в словах и вовсе отпала. Время от времени слышались звуки поцелуев и томные вздохи. Прижавшись друг к другу, эти двое забыли обо всем на свете.

Ленька даже губы облизнул. Ему тоже так хотелось. Но

вдруг он беспокойно заерзал и чертыхнулся шепотом:

– Блин горелый, этот придурок сейчас и им, и мне весь кайф поломает.

Придурком, по мнению Ленки, был житель соседнего с ними дома, который раз в неделю прогуливался на пустыре действительно в необычном виде.

* * *

Виктор Иванович Валентинский, как всегда, строго по расписанию вышел в это время на прогулку. Он обычно незаметно выскальзывал из собственного подъезда, когда становилось уже темно, и старался прохаживаться там, где его никто не мог увидеть. Дело в том, что Виктору Ивановичу совершенно не хотелось, чтобы знакомые душным летним вечером увидели его, одетого в... зимнее пальто с каракулевым воротником и каракулевою шапку. Шапку он, правда, до определенного места нес в пакете и надевал уже потом. Прикид, согласитесь, для разгара лета был весьма странен. Конечно, вопросов бы избежать не удалось. Но сколько ни объясняй, все равно ведь не поймут. У простого обывателя нет его, Валентинского, бережливости.

Итак, Виктор Иванович выскользнул из подъезда и отправился на пустырь, намереваясь дефилировать там, в привычном месте, положенное время. Он шел по дикому парку, старательно размахивая лапами пальто.

Даже в темноте Валентинский признал Нину Еремеевну, свою соседку. Не то чтобы он ночью видел, как сова, просто знал, что старушка всегда возвращалась этим путем с одним и тем же грузом.

Однажды он случайно столкнулся с ней тут, что называется, нос к носу. Потом еще раз, и тоже совершенно случайно. Оба эти раза он был без пальто, поэтому ничто не мешало ему поболтать с соседкой. Из чисто житейского любопытства Виктор Иванович пошел рядом с ней, намереваясь завести разговор о том о сем и потихоньку выведать, что же это она регулярно, в одно и то же время носит. Сумка всегда одна и та же и, похоже, весит всегда одинаково. Виктор Иванович был не только странным, но и очень любопытным человеком.

Но Нина Еремеевна, обычно добродушная и словоохотливая, враз свела разговор на нет и сказала, что спешит к знакомой. И, к удивлению Виктора Ивановича, проулочком мимо собственного дома проковыляла.

Виктор Иванович недовольно хмыкнул:

– Хм! Какие мы суровые.

Но не узнать, куда это отправилась соседка на ночь глядя, было выше его сил. Он прошел за ней до самого подъезда, в который вошла старушка, и убедился, что в этом доме ни одна лампочка не горит.

– Остальное потом узнаю, при случае, в следующий раз. Нынче не судьба, видать, – успокоил сам себя Виктор Иванович.

Валентинский был одинок. Никакие заботы или хлопоты его не тяготили. Но он просто обожал чужие. Он и зарабатывал, в основном разгадывая чужие секреты, во всяком случае, способствуя этому.

Странное поведение соседки настолько заинтересовало Виктора Ивановича, что он попытался прояснить ситуацию: каждый вечер он исправно крутил ручку радиоприемника, откуда слышались не голоса дикторов и не музыка, а разговоры его соседей. Мастер Валентинский был на все руки – тут уж ничего не скажешь. У него и клиентами были те, кто подобными прибабасами интересовался. Немного их было, но случались. Такой вот мастер Левша.

Но сколько ни крутил Виктор Иванович ручку радиоприемника, ничего о соседкиных вояжах он не узнал. Обычно обсуждались наряды для Оксанки, велись беседы о жизни, об учебе все той же Оксанки и разная прочая галиматья. Но больше всего Виктора Ивановича возмущала музыка, которую слушала эта вертихвостка.

– Дурдом какой-то, – возмущенно ворчал он, отключая самодельный приборчик.

* * *

Узнав Нину Еремеевну, Виктор Иванович поспешно схоронился за деревом, не желая предстать перед ней в пальто и в шапке, и стал наблюдать.

Ленька вздохнул было с облегчением, но тут обратил внимание, что к приюту влюбленных приближается странная процессия.

Впереди шла старушка с авоськой, похоже, довольно тяжелой. За ней крались двое парней. Оба были в темных масках. Сначала пацан испугался, что они застукают его сестренку. От волнения он чуть с ветки не свалился. Но потом мальчишка увидел такое, что забыл и о сестре, и об ее очкарике.

Один из молодых людей внезапно резко поднял руку и ударил старушку в левый висок. Другой в тот же момент схватил у нее сумку, так что она даже упасть не успела.

А старушка беззвучно рухнула наземь. Парни, жестикулируя, сначала на мгновение наклонились над ней, а потом помчались прочь.

Придурак, который прятался за деревом, мигом испарился. Еще через минуту «сладкая парочка», поспешно натянув, поправив, отряхнув то, что положено, едва ли не бегом поспешила туда, где горели огни и разные люди шли по своим делам.

Ленька слез с дерева. Он был потрясен и совершенно не знал, что же ему теперь делать. Подойти к неподвижно лежавшей старухе он не решался, было страшно. Немного подумав, он тоже побежал прочь.

В отделении «Скорой помощи» вечер выдался беспокойный. Дежурная медсестра едва успевала принимать вызовы. Похоже, жара плохо влияла на жителей Тарасова: сердечные приступы, приступы удушья, параличи следовали сплошным потоком.

Антонина Ивановна уже изнемогала, как вдруг на несколько минут телефон замолчал. Она тяжело поднялась и пошла вскипятить себе чайку.

И тут телефон задрезжал вновь. Раздраженно чертыхнувшись, медсестра сняла трубку:

– Отделение «Скорой помощи». Говорите. Вас слушают.

В трубку прерывисто дышали. Невидимый собеседник никак не мог с собою справиться.

– Вас слушают, говорите, – настойчиво повторила Антонина Ивановна.

– Тетенька, тут в парке бабушка лежит и не двигается.

– Живая?

Снова прерывистое дыхание испуганного ребенка – голос явно был детский. Антонина Ивановна не знала: верить или нет. Сколько таких вызовов оказываются ложными. Но этот голос уж больно испуганный.

Антонина Ивановна как можно мягче переспросила:

– Я спрашиваю, живая ли бабушка?

– Я не знаю. Боюсь смотреть. Ее ударили, и она упала.

– Надо было посмотреть! – Подумав, она добавила: – Ты, наверное, милицию вызывай... Хотя ладно. Где этот самый парк, о котором ты говоришь?

Ребенок объяснил, как мог. Антонина Ивановна не успела предупредить, чтобы он (или она) дождался прибытия «Скорой помощи». Ребенок положил трубку.

Медсестра сама позвонила в милицию и переадресовала вызов, но только она успела положить трубку, как вновь раздался звонок. Ломающийся голос подростка тоже сообщал о старухе, которую ударили.

Теперь Антонина Ивановна решила, что ее точно разыгрывают, и сердито закричала:

– Прекратите безобразничать! У меня есть определитель номера. Я вот сейчас сообщу в милицию, вас поймают и оштрафуют родителей на кругленькую сумму! Они вам уши оборвут!

Подросток, видимо, испугался и сразу бросил трубку.

– Вот черти полосатые! Творят что хотят. Все от безнадзорности. А я еще милицию впутала!

Не успела Антонина Ивановна пожалеть о своем звонке, как вновь поступило сообщение о нападении на бабушку. На этот раз голос был мужской, сообщение – обстоятельным. Антонина Ивановна приняла вызов, записала данные звонившего и попросила его дождаться приезда «Скорой помощи».

Оперативная группа и машина «Скорой помощи» прибыли на место происшествия практически одновременно. Но мужчину, который звонил в «Скорую», они не застали.

Старушка была мертва. Медики уже не могли ничем помочь и сразу же уехали.

Зато милиции дел хватало. В этом пустынном месте не оказалось ни одного свидетеля происшествия. Все, кто звонил в «Скорую помощь», словно испарились. Данные, которые сообщил о себе мужчина, оказались липовыми. Такого просто не существовало. Жители окрестных домов ничего не видели и не слышали. В парке, как обычно, было темно и тихо.

Смерть старушки, по данным экспертизы, наступила около десяти часов вечера от удара тупым предметом в левый висок.

– Кастет, – вздохнул тучный опер, обращаясь к своему юному коллеге, почти мальчику. – И поработал, похоже, левша.

– Чего ради ее убили? С целью ограбления? – отозвался молодой опер.

– Это пока не ясно. Знаю одно: это всяк. Голову на отсечение даю.

* * *

Когда вернулась домой Катя, Ленька уже был в постели. Она подумала, что мальчишка спит без задних ног, а он лежал, укрывшись с головой, и прислушивался к ночным звукам за окном. Ему было очень страшно. И, главное, он никому не мог ничего рассказать. Тогда все узнают, чем он там занимался, и про Катьку – тоже.

А Катя с Витей решили не встречать в это дело. Им тоже было что скрывать. Начнут на допросы таскать – все наружу и выплывет. Тогда им, уж точно, родители уши пообрывают. Они, в общем-то, ничего толком и не видели. Помочь все равно ничем не смогут. Те двое были в масках. В темноте они чуть не наступили на Витю с Катей. Ох и страшно же было!

* * *

Виктор Иванович испытывал некоторые угрызения совести, но утешал себя тем, что ему с милицией совсем даже не по пути. Главное ведь он сделал: вызвал «Скорую помощь» и милицию. Остальное пусть решают сами.

Во-первых, он очень страшился, что узнают про его незаконное пристрастие. Подслушивание соседских разговоров могло и боком выйти... Маловероятно, но вдруг.

Во-вторых, он не был вполне уверен, что о его прогулках в зимней одежде не знает никто из соседей. Ведь до чужих странностей, как и до чужих тайн все охочи. Это он по себе знал. Поди потом объясни все это.

Одним словом, пусть ищут. Сами.

* * *

Оксанка не волновалась до одиннадцати вечера: были уже случаи, когда бабулька задерживалась. Но когда по радио объявили:

– Московское время двадцать три часа... – Оксана забеспокоилась не на шутку. Она выключила свет и встала у окна, поглядывая на улицу. Бабушки не было.

Оксанка вышла к подъезду: может, бабка заболталась с какой-нибудь соседкой, но Нины Еремеевны во дворе не было. Оксанка уселась на лавочку, намереваясь ждать до победного конца. Около двенадцати терпение ее лопнуло, и она решила сходить к родителям: вдруг бабушка у них.

В квартире родителей было темно и тихо. Дверь никто не открыл, а ключ девочка не прихватила.

Оставалось одно: звонить в милицию. Так она и поступила.

Глава 2

Детектив Таня Иванова

Об эту пору я была решительно ничем не занята. Никаких серьезных дел на горизонте не маячило, и я на всю катушку балдела: навещала подруг, которые без меня истосковались, ходила то в салон красоты, то в салон модной одежды (надо же иногда обновлять свой гардероб), раза два повалялась на пляже.

Словом, ловила кайф, как могла. Даже квартиру убирала так лениво, словно барщину отработывала.

С деньгами у меня пока все было в порядке. Я совсем недавно закончила выгодное дельце.

И в таком расслабленном состоянии я пребывала, что не сразу заметила слежку, а точнее – и вообще не заметила.

На чернильную «девятку» обратила внимание моя подруга, Ленка-француженка.

Мы поехали к ней на дачу, километров за пять от Тарасова. Грибочки там пособирали, винца домашнего попили, шашлычка поели.

А когда на следующий день возвращались в Тарасов, Ленка вдруг сказала:

– Смотри, Тань, а за нами опять эта машина едет.

– Какая «эта»? – Я взглянула в зеркало заднего обзора.

На загородном шоссе в выходные дни полно машин. Если их все разглядывать, то и в кювете недолго очутиться.

– А вон та чернильная «девятка». Когда мы на дачу ехали, она за нами аж до самой калитки как приклеенная следовала, а потом свернула на нижние участки. Помнишь? Я еще удивилась, потому что ни у кого в нашем товариществе такой не видела.

– Интересное кино. Хотелось бы знать, кому это я понадобилась? А может, владелец «девятки» так же, как я, расслабляться к другу ездил?

– Наверное, – охотно согласилась моя подруга. Я еще раз с любопытством обозрела указанный Ленкой автомобиль. Стекла машины тонированные, содержимого не видно.

– А мы сейчас это проверим.

Ленка судорожно вжалась в кресло. Она хорошо знала, что за этим заявлением последует, а быстрой езды она панически боялась. Ленка всегда говорила, что, когда она сама села за руль, – а это случилось только на водительских курсах, – она четко поняла, как хрупок человек и его незащищенная «жестянка». Хоть на права она и сдала, но хорошего водителя из нее так и не получилось.

– Тань, – заканючила она, – лучше не надо. Ну кому ты, в самом-то деле, нужна?

Но я уже завелась. Азарт! Ничто не может сравниться с этим чувством. Мы уже въехали в черту города, и я свернула на улицу, где движение было не такое оживленное. Дачники

обычно выбирали другой, более короткий путь. Там и дорога была получше. Улица, которую выбрала я, больше походила на автодром для испытания автомобиля на прочность. Но моя выдавшая виды «девятка» цвета беж ко всему давным-давно привыкла, в том числе и к фокусам хозяйки.

Итак, я вырулила на эту улицу и еще раз глянула в зеркало заднего обзора. Чернильная «девятка» не отлипала.

– Та-ак, отлично. Понятненько... Ага, и номерочек тарасовский. Запомним на всякий случай.

– Зачем тебе это надо, Тань? Что это даст? Он, может быть, только сейчас этот номер нацепил.

Вот так. Что и требовалось доказать. Мы с Ленкой сто лет уже дружим. Успели друг от друга разных полезных знаний нахвататься. Я так даже уверена, что посредственному детективу моя Ленка сто очков вперед даст.

– Просто так, на всякий случай. А вдруг «хвостовик» не предполагал, что его так быстро раскусят, и не поостерегся. Или вообще лох какой-нибудь. Или придурок. Или тайный поклонник. В наше время все возможно. Ничему не удивлюсь.

Набираю скорость, «девятка» – тоже.

Но они меня еще не знают: на скорости ручник на себя и одновременно – руль влево до упора – полицейский разворот называется. Машина резко, визжа и скрежеща, разворачивается на сто восемьдесят градусов.

– Мамочки! Сумасшедшая! Ты и себя, и меня заодно

угробишь! – запрочитала Ленка. – А если это все-таки поклонник? У него же сразу вся любовь к тебе, чокнутой, кончится!

Но мне не до ее воплей. Чувства юмора моя подружка не утратила, значит, все в порядке. А мне сейчас нужно быть предельно внимательной: на дороге аварийная ситуация, и она – дело моих рук.

Преследователь мой в ответ на трюк с разворотом резко дернулся к правой обочине, влетел на бордюр, стукнулся о него днищем и тут же остановился. Я же, наоборот, прибавила скорость, нырнула вправо на узкую улочку и притопила, врубив предельную скорость.

– О господи! С тобой ездить – либо с ума сойдешь, либо без башки останешься. Чумичка ты, Танька.

Ленка все еще не могла отдышаться.

– А что же мне было делать? Позволять им за собой таскаться, что ли? По крайней мере, я теперь точно знаю, что за нами следили. Только вот за тобой или за мной? И зачем?

– Не думаю, что это за мной. У меня врагов, кажется, нет: двоек за год никому не поставила. Так что за мной только поклонник таскаться может, смею надеяться.

Ленка – учительница французского языка и влюблена безумно и в свою безденежную работу, и в своих оболтусов. Действительно, вряд ли «наружку» приставили именно к ней.

– Наверное, ты права. Что ж, пусть знают, с кем связались.

Они... или он, или она у меня еще попляшут. Если это действительно слезка, то на этом дело не кончится. Они еще обязательно нарисуются.

– Стоило ли тогда так лихачить?

– Стоило.

Я подвезла Ленку до дома, и мы с ней расстались, условившись вечером отправиться в кафешку.

* * *

За кости я взялась сразу, как только переступила порог своей квартиры. Знаете, о каких костях я веду речь?

Это магические двенадцатигранники, которые все на свете знают. Стоит только сосредоточиться и задать им самый главный для вас на данном этапе вопрос. А затем бросить кости.

Выпадает некая комбинация чисел. А дальше – смотри в толкования, и ответ готов. Правда, толкования я давным-давно наизусть знаю, поскольку гадаю довольно часто и себе, и своим клиентам. Эти-то поначалу не слишком косточкам верят, но приходит момент, когда даже самые недоверчивые сдаются.

Сейчас, разумеется, мои мысли были заняты «девяткой» чернильного цвета.

Я уютно устроилась в кресле и вытряхнула косточки из уже изрядно потрепанного замшевого мешочка на полиро-

ванный журнальный столик.

– Так-то вот, милые мои косточки. Срочно вашей хозяйке помощь требуется. Скажите-ка, как на духу: кто это и по какому случаю за мной вдруг таскаться начал?

Я тщательно перемешала косточки и бросила их на столик. Вопросов было, по сути дела, два. Так сказать, усложненный вариант.

Косточки цокнули о журнальный столик и застыли в комбинации: 17+1+30.

Толкования гласят: «Расположение планет указывает на присутствие не очень искренних поклонников».

Итак, все-таки поклонник. Любопытно.

Есть у меня в отделении УВД Центрального района один хороший знакомый, мой бывший однокурсник, полковник Кирсанов Владимир Сергеевич, а если попросту, то Киря.

Я решила ему позвонить. Сегодня воскресенье. Если повезет, он будет дома. И мне повезло.

– Привет, коллега. Узнаешь?

– Ну, еще бы не узнать!

Он действительно всегда узнает меня по голосу и даже шутит, что мой голос ему мерещится в ночных кошмарах. Все дело в том, что я часто прошу его помочь, когда веду какое-нибудь дело. Ведь частному детективу тоже могут понадобиться результаты дактилоскопической экспертизы и еще что-нибудь в этом роде, без чего невозможно доказать вину преступника или невиновность порядочного человека.

Я рассмеялась:

– Кто тебя знает, может быть, ты вообще забыл, что есть на белом свете некая Таня Иванова.

– Ты разве дашь об этом забыть? Как же! Дождидайся! Что у тебя там опять случилось? Выкладывай, не темни. Снова дело супернеобычное?

– Да нет пока.

– Ну, ты даешь! Неужели просто так позвонила, о здоровье справиться? Что-то не верится.

Я вновь рассмеялась:

– Проницательный ты малый, Киря.

– Значит, все-таки не без корысти?

– Отрицать не буду. Есть одно дельце. Так, мелочь. Помогите мне выяснить, кому принадлежит чернильная «девятка» номер Е 125 ОМ? Сможешь?

– В принципе, это не трудно. Но давай баш на баш. Сначала скажи, зачем тебе это надо? Это что, для работы необходимо?

– Ай, Киря, ну что вдруг за любопытство! Какая тебе разница?

– Как хочешь! Я сказал: баш на баш. И все тут.

Пришлось сдаться. Ну что поделаешь с этим любознательным ментом?

– Хочу имя своего тайного воздыхателя узнать.

– Вот как! Интере-есно.

– Мне тоже.

– Ведет, что ли, кто? – Киря все-таки был профессионалом.

– Похоже на то. Есть подозрения.

– А предположения имеются?

– Абсолютно никаких.

– А над чем сейчас работаешь, если не секрет?

– В том-то и дело, что ничегошеньки не делаю. Уже целую неделю. Сама удивляюсь, кто это вдруг моей личной жизнью заинтересовался?

– Ну, действительно, не иначе как поклонник, – пошутил Киря. – Сделаю, чего уж там.

– Ну спасибо, родной. Ты всегда был моим лучшим другом, – поспешила подлизаться я. – Когда узнаешь, позвони. Если не найдешь меня по телефону, оставь сообщение на автоответчике. О'кей?

– Договорились.

Я положила трубку и, напевая, отправилась в ванную, смывать дачную и дорожную пыль.

Еще через пятнадцать минут я пила крепкий, только что сваренный кофе, просматривая газету «Местное время». Эту газету я, собственно говоря, покупаю только из-за программы да последней колонки, где печатаются сообщения о разных происшествиях. Больше там читать-то нечего.

Сейчас я взяла ее в руки только потому, что просто обожаю «просвещаться», пока пью кофе.

Я обогатилась информацией о том, что в частном секто-

ре Фрунзенского района случился пожар, который явился следствием неправильного обращения с огнем; о том, что два алкаша, надравшись в стельку, не поделили между собой «горячо любимую женщину» и в результате оба оказались в травматологическом отделении с проломленными черепами и сломанными конечностями.

Была еще заметка об убийстве какой-то старухи в диком парке. Я даже толком не въехала, где это.

Но кофе был выпит, я отложила газету и пошла в кухню ополоснуть чашку.

После этого я о газете и не вспоминала. У меня были дела поважнее. Мы с Еленой собирались вечерком в кафе.

И хотя мы собирались пойти с ней вдвоем, я считала, что я должна выглядеть на все сто. Вдруг именно в этот вечер произойдет самая интересная и долгожданная встреча в моей жизни. Думаете, я не мечтаю об этом? Или Ленка? Хотя от знакомства в кафе многого ждать не стоит, но в жизни всякое бывает.

И я занялась макияжем. А потом гардеробом. Мы с Еленой выбрали кафе у черта на куличках, облюбовали его еще по дороге на дачу. Уж больно Ленке французская кухня импонирует. Не знаю, правда, насколько там Францией пахнет и подают ли улиток, но название у кафе красивое: «Ле мистер де Пари» (ударение на последнем слоге!), что переводится «Парижские тайны». Может, конечно, и не стоило из-за этого тащиться на машине на край света, лишая себя удо-

вольствия выпить бокал шампанского.

Однако я и не собиралась ни от чего отказываться и запаслась по такому случаю таблетками «Антиполицай». В конце концов, во всех цивилизованных странах не запрещается употреблять алкоголь, когда ты за рулем. Главное, не переборщить. А наши российские законы, требующие абсолютной трезвости, ориентированы на «истинно русских» людей, по мнению которых, одна рюмка только рот пачкает.

Я была уже почти готова, когда позвонила Ленка:

– Ты чего копаешься, Тань? Я уже заждалась.

Ох уж эта ее пунктуальность! На минуту не даст опоздать.

– Бегу, бегу! – Я прихватила сумочку и выпорхнула из квартиры.

* * *

По дороге я все время поглядывала, не появится ли чернильная «девятка». Нет, не появилась. Правда, мне другая машина подозрительной показалась, но я отнесла это на счет собственной излишней мнительности.

Малиновая «Ауди» ехала за нами до кафе. Прибывшие на ней вошли вместе с нами, но, ничего не заказывая, поговорили о чем-то с метрдотелем и удалились. Больше мы в этот вечер их не видели.

Мы облюбовали столик в углу у окна и, сделав заказ, стали ждать, болтая о том, о сем.

Когда нам наконец подали «шедевры французской кухни», мы были несколько разочарованы. Вряд ли французам понравилось бы то, что здесь готовили по их рецептам. Зато шампанское не подкачало.

И все-таки зря мы потащились за тридевять земель. Можно было бы и где-нибудь поближе посидеть, причем гораздо душевнее.

Но все плохое, как правило, уравнивается чем-нибудь хорошим, и наоборот. Так случилось и на этот раз. Мы даже не заметили, когда они появились в кафе, поскольку были увлечены обсуждением «хвоста».

Играла легкая музычка. Несколько пар танцевали.

– И никакой свежей мысли по поводу этой «девятки» у тебя нет? – допытывалась Ленка.

– Не-а. Ничегошеньки в голову не приходит.

– Дамы танцуют?

Мы обернулись.

Их было двое. Один приблизительно нашего возраста, а другой постарше, лет, наверное, около сорока. Приятные мужинки, ничего не скажешь, и оба мило улыбаются. Ленка вопросительно посмотрела на меня. Я пожалала плечами.

– Можем и потанцевать, если приглашают.

Тот, что постарше, протянул мне руку. Я поднялась, несколько разочарованная. Мне больше понравился тот, что помоложе.

После танца они попросили разрешения перебраться за

наш столик. Мы не возражали. А что? Может, это и есть та самая встреча, о которой мечтают все одинокие женщины.

– Минуточку, милые дамы, – произнес тот, что постарше, и ненадолго исчез. Появился он через пару минут с двумя розами и вручил их нам с Еленой.

– Давайте знакомиться, – предложил он. Мы с Ленкой назвались.

Сам он представился Евгением Петровичем, добавив при этом:

– Можно просто Женя, если вы, конечно, не возражаете. Мы не возражали.

Второго звали Анатолием.

Теперь я уже не жалела, что мы отправились к черту на кулички. Вечер получился просто потрясающий. Ленка с Анатолием пили гораздо больше, чем мы с Евгением. Оказалось, он тоже за рулем.

Подруга моя основательно окосела и то и дело хихикала без особого смысла. Толик, скажем прямо, не отставал.

Евгений Петрович слушал их болтовню, снисходительно улыбаясь, потом сказал:

– У меня к дамам предложение.

Мы уставились на него, ожидая продолжения.

– Давайте исчезнем отсюда и завалимся в одно классное место, где можно искупаться, даже без купальников.

Звучало соблазнительно. Чисто женское любопытство – «а во что это выльется?» – сразу заговорило во мне. Но я

была не настолько пьяна, чтобы сразу купиться.

А вот Ленка, как ни странно, – обычно она не приветствует случайные знакомства, – похоже, купилась.

– Тань, а может быть, правда, поставить твою «девятку» и отправиться купаться?

– По-моему, нам пора домой. Тебе не кажется? Поздно уже.

Ленка обиженно надула губы и пожала плечами.

* * *

Мы вышли из кафе все вместе. Я открыла дверцу своей «девятки» и села за руль. Подружка моя все никак не могла наговориться с новым знакомым, а Евгений Петрович стоял около моей машины и все уговаривал продолжить вечер.

Я покачала головой и повернула ключ зажигания.

– Е-хо-хо-хо, – пропела моя «девяточка», вовсе не собираясь заводиться. Я попробовала подгазовать – безрезультатно.

– Вот, черт! – выругалась я. – Аккумулятор, что ли, сел? – Попробовала завести машину еще раз, не получилось.

Евгений Петрович, который уже собирался сесть в свою машину, захлопнул дверцу и подошел ко мне.

– Проблемы, Танечка?

– Похоже на то. Не заводится.

– Откройте-ка капот.

Я дернула ручку замка капота на себя и вышла из машины.

Евгений Петрович, не заботясь о том, что может испачкать костюм, поднял капот и внимательно принялся изучать внутренности моего автомобиля. Ничего особенного он не сделал, просто потрогал какие-то проводки. Зашел сзади, присел, повозился. Потом опять к проводочкам вернулся.

– А ну попробуй теперь, Танюш.

Я села за руль, только повернула ключ зажигания, и... моя ласточка завелась с полпинка. Чудеса да и только!

– Вы просто добрый волшебник. И что же это было?

– Да так, ерунда, мелочь. Не забивай себе голову.

Елена с Анатолием, втайне надеясь, что машина так и не заведется, наблюдали за тем, что происходит, продолжая болтать. Уж очень им хотелось продолжить вечер.

– Теперь вы моя должница, Танечка, и так просто не отделаетесь, – пошутил Евгений Петрович. – Не дадите же вы умереть от скуки двум порядочным одиноким мужчинам. Тем более здесь совсем недалеко. И не потребуются «Антиполицаем» закусывать. На девичью честь посягать не будем, – приложив руку к сердцу, шутливо закончил он.

Я улыбнулась. Вот умеет мужик по ушам ездить.

– Ладно, считайте, что уговорили. В какую сторону ехать?

– За моим автомобилем. А чтобы не потерялись по дороге, я к вам своего друга посажу.

Все сели, я уже собралась отпустить педаль сцепления, но, взглянув в зеркало заднего обзора, вспомнила, что собиралась протереть заднее стекло и забыла.

– Минуточку, ребята. – Я поставила рычаг переключения скорости в нейтральное положение и вышла с тряпкой из автомобиля.

Под ноги попало что-то мягкое. Я даже испугалась. Но это оказалась обыкновенная масляная тряпка, которая валялась на асфальте.

И тут меня осенило. Я поняла, почему не заводилась моя машина. Они заткнули выхлопную трубу. Вот так. Сигнализацию на объем надо включать даже в людных местах. Наш новый друг без труда это обнаружил. Вот только почему не сказал.

Он сам уже вылез из «мерса» и, улыбаясь, направился ко мне.

– Ну вот, Танечка, вы сами нашли «неисправность». Кто-то над вами подшутил, наверное. Не слишком удачно, правда? Я не хотел портить вам настроение. В общем-то, это мелочь.

– Ни фиги себе! Мелочь! Да они, гады, меня сегодня уже достали! Ну попадутся они мне на узкой дорожке!

– Кто вас так сильно рассердил?

Я махнула рукой, не желая посвящать его в подробности истории с преследованием. Зачем? Но настроение у меня здорово испортилось.

Впрочем, никто этого не заметил. Ленка с Анатолием всю дорогу проворковали, как два голубка.

А дачка Евгения Петровича, куда он привез нас в тот вечер, оказалась совсем не хилой. Милый такой коттеджик с двух этажах, да еще с жилой мансардой. Камин, сауна, даже бассейн, правда, совсем крошечный, но все же!

– Ах, какие славные ребята, – приговаривала Елена, вытягиваясь на постели в комнате, которую нам с ней любезно предоставил Евгений Петрович. – Правда, Тань?

Я не очень торопилась разделить ее восторги. По мне, так если все слишком хорошо, то это тоже плохо.

– Наверное, – буркнула я, вспомнив почему-то последнее высказывание моих магических косточек насчет не очень искренних поклонников, и тоже улеглась.

Наш разговор происходил, наверное, около четырех часов утра, после ночного купания, курицы гриль и немалой дозы спиртного.

Проснулись мы часов в десять. Солнце уже беспощадно палило. В доме было тихо, вкусно пахло кофе и жареной картошкой.

Мы спустились вниз. Анатолий хозяйничал в кухне.

– Доброе утро! Проснулись, девочки? А я уже завтрак готовил.

– Привет. А где твой друг?

– А он по делам уехал, скоро вернется. И вас будить не

велел.

Ленка на это заявление никак не прореагировала. Усевшись в плетеное кресло около стола, она взяла из вазы яблоко и с аппетитом принялась за него. Но я возмутилась:

– Это как же он мог так поступить? А если меня с работы уволят за прогул?

– Так Леночка сказала, что вам с утра никуда не надо, – искренне удивился Анатолий.

Ну и болтливая же у меня подруга. Прямо-таки находка для шпиона. Я кинула на нее уничтожающий взгляд.

– А что тут особенного, Тань? Все равно тебе с утра за руль нельзя было.

В этом она была права, конечно. И хоть пили мы в основном коктейли, но уж больно поздно улеглись в постель.

* * *

Вскоре вернулся хозяин особняка. Очень даже вовремя: мы как раз уселись за стол.

– Привет честной компании, – как-то не очень весело сказал он.

– Что-нибудь случилось, Евгений? – спросил его приятель.

– Давайте завтракать, расскажу по ходу дела... Представляете, приезжаю в офис, а у меня на автоответчике сообщение: близкая подруга моей покойной матери трагически по-

гибла. Ее убили. За что можно убить старушку, которая в жизни никого дурным словом не назвала?

Мы все трое выразили ему соболезнования, а он продолжал:

– Почему она на этом пустыре оказалась? Ума не приложу. Там даже не пустырь, а заросли какие-то.

И тут я вспомнила заметку, которую читала еще вчера утром, про убитую старушку в диком парке. Любопытный расклад получался: об этом уже газеты раструбили, а он не знал. Тревожный звоночек зазвенел у меня в мозгу. В памяти опять всплыли высказывания моих двенадцатигранников. Мне даже захотелось бросить косточки еще раз. Но не бежать же прямо из-за стола в свою машину.

Прошло еще несколько минут, и я, – может, подсознательно желая успокоить себя, – стала размышлять: разве я каждый день читаю эти дурацкие газеты, которые воруют друг у друга информацию? Дудки. К тому же там наверняка изменена фамилия старушки. Разве не могли люди, которые поглощены своим горем, напрочь забыть о каком-то знакомом, мать которого была подругой покойной? Еще как могли. А кости, возможно, имеют в виду кого-то совсем другого.

– Одним словом, был я в милиции, узнавал, как расследование идет, и понял – толку там не будет. Убийц они не найдут. Они и не скрывают этого. Дело это, как менты выражаются, – висяк. Так-то вот, ребята. Хрупкая штука – жизнь человеческая, – Евгений грустно вздохнул и отхлебнул кофе.

Мы трое молчали, не зная, как себя вести. А он продолжал:

– Сегодня ее хоронят. Я поеду. Вы уж не обессудьте, что опять покину вас. Но вы можете здесь отдыхать, сколько хотите. Я не знаю, когда вернусь. Я решил найти убийцу старушки во что бы то ни стало. Для меня это, можно сказать, дело чести. Надо же кому-то за правду бороться. – Мы с Ленкой закашлялись одновременно и переглянулись.

– Вы что, девочки?

– Ничего. Просто не в то горло кофе попал, как говорится. И тут Ленка, можно сказать, предала меня:

– А вы знаете, Евгений Петрович, наша Таня – очень талантливый и перспективный детектив. Не было еще такого дела, которое она бы не распутала. Надеюсь, вы слышали про Татьяну Иванову?

Я ее убить была готова. Мне вовсе не улыбалось искать убийц этой старушки, которую скорее всего пристукнули какие-нибудь хулиганы или воры: понадеялись разжиться парой сотен из ее скромной пенсии. Даже человек, далекий от поисков преступников, может себе представить, как трудно в городе с почти миллионным населением вычислить таких типчиков. Особенно если они нигде раньше не засветились. Дело представлялось мне действительно бесперспективным, и, если я за него возьмусь, как бы мне не сесть в лужу. Прощай тогда моя безупречная репутация.

Теперь наступила очередь наших новых друзей удивлять-

ся:

– Ты серьезно, Леночка? Это правда, Танюша?

Я кивнула.

– Какое везение. Я надеюсь, ты не откажешь другу?

Вот так. Ни больше ни меньше. Я молчала, судорожно соображая. В таком дурацком положении я оказалась впервые. И отказать неудобно, и о деньгах не знаю, как заговорить. С одной стороны, мы на полную катушку воспользовались его гостеприимством: вино там, курочка, аренда помещения опять же. Но с другой – работать за спасибо ох как скучно.

Он, надо сказать, сразу правильно понял мое замешательство:

– Я знаю, что частным детективам платят солидный гонорар. Пусть тебя это не смущает. Назови сумму, я готов заплатить.

– Но мне надо бы подумать, – промямлила я только для того, чтобы хоть что-нибудь сказать.

– Таня, я безумно рад, что мне так повезло. Не откажи, голубушка. Я в долгу не останусь.

– Но я беру двести долларов в сутки плюс текущие расходы. Можно с вычетом ночных коктейлей, – слабо улыбнулась я.

– Прекрати об этом. Не надо меня обижать. Так что? По рукам?

Не дожидаясь ответа, он открыл барсетку, достал солид-

ную пачку «зелененьких» и отсчитал мне тысячу баксов:

– Это аванс. Остальное, когда найдешь убийц. Я им своими руками головы оторву.

Насчет голов – его личные трудности. Но, в принципе, я его заважала. Я тоже люблю, когда правда торжествует.

Глава 3

Пустые хлопоты

Я решила поехать с Евгением на похороны. Не зря ведь говорится: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Поэтому посмотреть на близких старушке людей мне не помешает. А может быть, даже и поможет. Присмотрюсь, прикину, кто и как на ее смерть реагирует.

Елену и Анатолия мы подбросили до остановки и оставили без свидетелей решать вопрос, стоит ли им продолжать знакомство. Похоже было, что они настроены решить это положительно. Впрочем, у меня теперь имелись собственные проблемы, во всяком случае, мне платили за то, чтобы я их решала.

Проживала старушка, как выяснилось, в Трубном районе в одной из хрущоб на Курской улице. Мне уже не раз приходилось работать в этих краях, поскольку Трубный район – колыбель тарасовского криминала.

Мы прибыли, когда гроб, обитый красным ситцем, уже вынесли и поставили на табуретки, чтобы могли проститься с покойной те старенькие соседки, которые не поедут на кладбище.

Тихо и безутешно плакала девчушка, стоявшая у изголовья.

– Это ее внучка, Оксана. Она с Ниной Еремеевной жила, – прошептал мне на ухо Евгений.

– Мамынька-а-а, и сложила ты свои рученьки-и-и. И отправилась ты в путь-дороженьку-у-у. О-ой! Да кто ж с тобой такое сотвори-ил? За што ж господь тебе смертушку-то такую страшную посла-ал? О-ой! – завопила вдруг вдрызг пьяная тетка. Рядом с ней стоял, осоловело хлопая глазами, обрюзгший мужик, одетый кое-как, с торчащими во все стороны жидкими волосенками. Он тоже едва держался на ногах.

– Сыночек ее с невесткой, – вновь прокомментировал Евгений. – Алкаши. Никогда не просыхают.

Я молча кивнула, вглядываясь в лицо покойной. Маленькая, сухонькая старушонка. Кому она могла помешать? На левом виске – гематома, наверное, прикончили ее, ударив тупым предметом. Если ударили сзади, значит, убийца – левша. Это я постараюсь выяснить попозже. Есть у меня кое-какие знакомства в УВД Трубногo района. С Евгением Петровичем они небось не стали делиться информацией – это не в их правилах.

Похоронили старушку на Увеке. Без громких речей, разумеется, без оркестра. Только все так же беззвучно плакала девочка, да пьяно голосила невестка. Закопали по-тихому и на поминки заторопились. Евгений Петрович тоже поехал, и я подумала, что и мне будет полезно там побывать. Все-таки все близкие будут, это уж как пить дать, а это может мне по-

мочь в работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.